Л. Никулин

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В АФГАНИСТАНЕ

«КРАСНАЯ НОВЬ»
Г. П. П.

МОСКВА
1923

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ГПП, Москва, Милютинский пер., 22.

Серия историческая

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Астров, В. „Экономисты", предтечи меньшевиков.—45 к.
Беркова, К. Процесс Людовика XVI —1 р.
Волин, Б. Декреты Октября (разошлась).
Герасимов, В. Жизнь русск. раб. полвека тому назад.—15 к.
Дочери Революции. Сборник.—80 к.
Залкинд, А. История русской фабрики.—35 к.
За пять лет. 1917—22 гг. Сборник ЦК РКП.—1 р. 50 к.
Заславский, Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. 2-ое изд.—20 к.
Лелевич, Г. Как они делали революцию.
Луначарский, А. За пять лет.—12 к.
Лядов. 25 лет РКП.—30 к.
Майский, И. Внешняя политика РСФСР. 1917—22 гг.—45 к.
Меринг, Ф. История Германии с конца средних веков.—80 к.
Октябрь на Пресне. Воспоминания (разошлась).
Октябрьск. дни в Сокольниках. Воспоминания (разошлась).
Пажитнов, К. Рабочее движение при крепостном праве.—15 к.
Панкратова, А. Фабрично-заводские комитеты в России.—2 р.
Пионтковский, С. Хрестоматия по истории Октябрьской революции.—1 р.
Рид, Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С предисл. Н. Ленина и Н. Крупской.—1 р. 20 к.
48-й год. Сборник статей (разошлась).
Степанов, И. Парижская коммуна 1871 г. 2-ое изд.—85 к.
Файнштейн, А. Марк Малиновский, рабочий пропагандист начала 70-х годов.—20 к.
Шестаков, А. Бунт земли.—45 к.
Яковлев, Я. Об историческом смысле русской революции.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК".

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Москва, Милютинский пер., 22.

Л. Никулин

Chetyrnadtsat' mesiatsev

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ
В
АФГАНИСТАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

Главлит № 12115. Тираж 5.000 экз.

„Мосполиграф"—20 типография „Красный Пролетарий", Пименовская ул., д. 1|16.

чуть не меняя своих привычек и не стесняя себя их присутствием. После смертного приговора разбойнику, который чествил этого благодушно попивающего чай старика, самыми позорными для мусульманина словами, он распоряжался прибить гвоздем ухо продавца, уличенного в мошенничестве, к дверям лавки, затем дарил яблоко любопытствующему мальчишке, потом приказал повесить двух ручных волков, задушивших его любимых кур, потом показывал европейцам лошадей, затем ровно в полдень после пушки, отправлялся обедать и спать на свою половину. Приблизительно так же в еде и сне проводила время его многочисленная челядь, секретари, назиры, нечто среднее между адъютантами и старшими лакеями.

Провинцией, собственно говоря, управлял его секретарь, мулла, хитрый, скрытый и довольно независимый от правителя взяточник.

Но с приездом из Кабула миссии по проведению реформ все пошло по-другому. Молодые афганские чиновники, правда, ели и спали не меньше, но ездили на прогулку верхом вокруг города, занимались футболом, спортом и охотой, к полному недоумению изумленной этими новшествами провинции.

Секретарь старого правителя сначала попал в немилость и очутился где-то на задворках дворца, но потом, постепенно стал выдвигаться, так как в сущности только он один понимал нехитрую механику деспотического управления провинцией.

Но реформы не оставались пустым звуком. Наивные новшества вроде придуманной для метельщиков улиц (такие оказывается существуют) формы, появление на базаре, аккуратно через промежутки развешанных перенумерованных фонарей доставляли, повидимому, самое искреннее удовольствие реформаторам. Более серьезные меры были приняты в области «налоговой системы» и школы, той самой общественной школы, от которой всячески старался избавиться старый наместник.

Была объявлена особая мобилизация школьников, уличные мальчишки, до этого времени беззаботно клянчившие гроши у редких, проезжающих европейцев, силой были приведены в школу и одеты в соответствующую форму.

И в день торжественного дурбара по случаю годовщины

объявления независимости Афганистана, одетые по форме школьники торжественно маршировали по двору под монотонное гудение афганских оркестров и пели афганский гимн.

Официальный, торжественный прием дипломатической миссии, обыкновенно приурочивают к религиозному празднику, к концу Рамазана или к национальному празднику, годовщине объявления независимости. И в этом официальном торжестве особенно ярко запечатлен Афганистан дореформенной эпохи Абдурахмана и Хабибулы-Хана, и Афганистан, современный, медленно воспринимающий реформы и все еще далекий от своего идеала—современной Турции. Но оставляя в стороне соображения политические, надо сказать, что дореформенный быт был полон особого интереса и представлял точное воспроизведение быта мусульманской деспотии средних веков.

Начинался дурбар в десять утра и к этому времени во дворе, за цепью солдат стояли тысячи любопытных, которые только издали видели то, что происходило в большом зале дурбара и все-таки терпеливо стояли несколько часов в ужасающей тесноте, давке и пыли под палящим солнцем.

Длинный белый зал, сводчатый, несколько напоминающий театральное фойэ, уставлен во всю длину тремя столами. Перпендикулярно к этим столам еще три стола, при чем перед центральным—высокое кресло для правителя. За длинными столами в торжественном молчании чинно сидят в центре офицерство, слева чиновники и справа местное именитое купечество. И в то время, как купцы одеты в однообразные национальные, ослепительно белые одежды, чиновники и офицеры поражают непривычной для глаза пестротой самых разнообразных европейских мундиров всех армий, всех ведомств.

Эполеты, золотые жгуты, эксельбанты, шнуры прямо ослепляют под ярким южным солнцем. Военные еще одеты относительно однообразно в красные упраздненные английские мундиры эпохи королевы Виктории, которые за ненадобностью усиленно сбывались в Афганистан.

Несколько сот человек сидят в почтительном и торжественном молчании, изредка перешептываясь. Военный губернатор (командующий войсками) встречает у дверей иностранных представителей, которых усаживают за почетный

стол, по левую руку правителя против стола купечества. По правую руку тоже за отдельным столом сидит особо заслуженное духовенство и приближенные правителя. Еще небольшая пауза особенно мучительная в нестерпимой жаре и духоте, и оркестры, одновременно загудели «салам»—встречу. Зал поднимается и в сопровождении пестрой свиты в зал входит толстый старичок в красно-золотом мундире и каске с плюмажем. Начинается немного наивная церемония представления. Но старичок не выдерживает строго дипломатического тона, смеется, смешит, изумляет наивно-детскими вопросами и, наконец, усаживается в свое кресло. И с этой минуты почти мгновенно столы покрываются разнообразными бесчисленными блюдами, которые подаются одновременно. Преобладает, конечно, традиционный афганский плов, в котором афганская кухня кажется непревзойденной. Он здесь не белый, а оранжевый от апельсинных корок и, повидимому, повара правителя имеют весьма почтенную репутацию, потому что плов съедается в огромном количестве. Разумеется, едят руками и только для европейцев положены ножи и вилки. Пловом, в сущности кончается дурбар, который длится, однако, не менее двух-трех часов.

Слуги разносят гостям воду. Все моют руки, шумно вздыхают и снова сидят в торжественном молчании.

Развлекается только правитель, расспрашивающий иностранцев о всяких пустяках, посылающий некоторым явно объевшимся гостям в качестве особого почета, блюда со своего стола, от которых, разумеется, нельзя отказаться.

За его столом, по особому приглашению, сидят главный судья, «кутвали» (полицмейстер), военный губернатор.

Тут же, на столе стоит серебряная плевательница правителя, его собственная чашка и табакерка для табака, который жует и сплевывает наместник. Вокруг столов ходит босой, в рубище «дивана»—полусумасшедший, полусвятой, весь в лишаях и грязи. Ходит, почесывается, ест, на него смотрят как на нечто обычное, и необходимое, одни—почтительно, другие—равнодушно.

Потом мы узнали, что этот «святой» чем-то рассердил старого правителя и, несмотря на свою святость, и питаемое к нему почтение, был выгнан с позором из дворца. Старый наместник вообще не особенно церемонился с духовенством, считая себя глаьным муллой и знатоком в области религии.

Так же мало он считался и с главным судьей, иногда вешая тех, кого тот оправдывал.

Дурбар кончается. Все эти два, три часа, с небольшими промежутками гремит оркестр во дворе, иногда неподвижно стоя на месте, иногда маршируя в такт.

В общем афганская музыка у военных духовых оркестров сводится к монотонным, несложным по мотивам ускоряющимся маршам. Но некоторые, например, боевой марш производит все-таки впечатление этим ускорением темпа, в котором чувствуется экстаз, темперамент и мучительное для музыкантов напряжение.

После дурбара почетные гости проходят с наместником на балкон и здесь завершается дурбар некоторым развлечением для народа, как это понимает правитель. Наместнику подают таз с мелкой серебряной монетой и местными конфектами. Толпа прорывает цепь часовых и ловит бросаемые ей сверху монеты. Тысячи вытянутых рук, давка, драка, вопли сбиваемых с ног, все это должно, по мнению правителя, развлечь гостей и народ. Поднос опустошен, толпу оттесняют, а через неделю местная газета, описывая высоким, приличествующим слогом дурбар, мимоходом, в качестве довода, в пользу особой пышности и торжественности зрелища сообщает о том, что несколько человек погибли в давке по собственной неосторожности.

После дурбара каждому гостю вручают подарок представляющий завернутую в кисею голову сахару и местные конфеты. Особо важным гостям подарки посылаются на дом. Разумеется все это относится к провинции, в Кабуле дурбар устраивается (по крайней мере для иностранцев) на манер европейских банкетов. Местное гостеприимство сказывается в том, что в провинции даже деловой визит не обходится без чая со сладостями. Деловой разговор происходит как бы между прочим, среди притворных любезностей и комплементов. Иногда наместник провинции при первом знакомстве дарит гостю рупию или кран на память, при чем подарок этот принимается с необходимыми в этом случае благодарностями. Самый выезд на дурбар (если дурбар происходит в загородном доме) обставляется с большой торжественностью. Впереди ведут верховых лошадей наместника, покрытых расшитыми попонами, украшенных серебряной местной работы сбруей с серебряными кистями

на шее. Сам наместник едет в карете, при чем шесть слуг бегут по обе стороны кареты. Позади едут кареты чиновников, более мелкие чиновники верхом, затем конвой и многочисленная челядь. При въезде оркестр играет «салам»—встречу.

Реформы в провинции изменили самый характер дурбара даже с внешней стороны.

Чиновники и военные получили однообразную и довольно простую форму.

В толпу уже не бросают денег и весь дурбар проходит в торжественной напыщенности и молчании.

Бюрократия новой формации поражает сторонников старых форм своей молодостью, склонностью к внешнему блеску европейской, вернее англо-индийской культуры. Новое поколение, только что выучившись читать по английски, хваталось за романы, игру в тенис и мотоциклы вместо традиционных лошадей. Старое поколение уступает им с явной враждебностью и предпочитает времена тихой покорности Абдурахмана, современники же англо-афганских войн 1878—1881 года находятся как бы на распутьи. С одной стороны им льстит признание независимости Афганистана со стороны старого крозного врага—Англии и выгодный договор, с другой стороны они не могут примириться с новым государственным строем, который однако привел к независимости, к цели, которой тщетно добивались их современники. Более умные из них чувствуют, что внешняя независимость ничто без экономической независимости, и предпочитают прежнее натуральное хозяйство надвигающемуся перелому всей хозяйственной жизни. В этой своей роли они вызывают даже некоторое сочувствие своей упрямой и вместе с тем искренней любовью к родине, своим страхом перед автомобилями и электричеством.

В такой момент мне пришлось увидеть сменяемого наместника о котором говорилось выше. Он сидел на возвышении, на ковре, в центре большого двора его конюшни, где перед ним проводили его любимых арабских коней. Лошади были действительно замечательные, великолепные абразцы той арабской породы, которую в Афганистане завел во время своего владычества Надир-Шах. Эта порода сохранилась только в Делавере вблизи Кандагара и, разумеется,

старый наместник отбирает лучшие образцы. Вокруг него стояло два-три местных сановника, весь город уже знал о его смене, к нему сразу стало ходить меньше просителей, его назиры стали заметно печальнее да и сам, всегда жизнерадостный и здоровый старик, как-то сразу постарел. Он не удержался чтобы не указать на достоинства лошади по сравнению с автомобилем, точно предчувствуя, что через пару лет автомобильное сообщение установится между Кандагаром и его провинцией. А в это время его двадцатисемилетний заместитель уже ехал ему на смену и всюду на базарах говорили о новом наместнике. Старик оживился только тогда, когда заговорили об успехах внешней политики его страны. Припомнился несколько анекдотический разговор его с одним очень образованным турецким офицером, бывшим у него в гостях. Когда офицер рассказал о чудесах Парижа и Лондона, о подземной дороге, аэропланном сообщении, тысячах автомобилей, об улицах, домах и дворцах, наместник долго слушавший его наконец спросил:

— А вы были в Кабуле?.. И на последовавший отрицательный ответ, старик ответил презрительным жестом, означавшим «что такое Париж и Лондон по сравнении с Кабулом».

От Герата грунтовые дороги ведут в загородные сады-дворцы—предмет особой гордости афганцев. Их несколько, лучшие из них собственно представляют собой виноградники. Яблони, грушевые деревья, абрикосовые дают некоторую относительную тень. На равном расстоянии друг от друга расположены четырехугольные бассейны. Самый дом состоит из довольно прохладных полутемных зал нижнего этажа и чрезвычайно легкой постройки верхних этажей, сплошь состоящих из окон и дверей.

За стенами города исчезает бесследно первое невыгодное для него впечатление. Отсюда город, с его рисующимся в голубом небе стенами и башнями гораздо красивее, чем вблизи. Долина, со всех сторон окруженная горными цепями, цветущая и зеленая—одно из редких красивых местностей страны. Зимой, когда снег лежит на горах, деревья и поля обнажены, несколько унылый вид искупается замечательной игрой красок на снежных вершинах среди ползущих облаков. Разбросанные у подножья гор сады и окруженные кедрами священные мавзолеи видны за несколько

верст в чистом прозрачном воздухе. Особенно красиво расположена могила поэта (из мусульманского духовного мистического ордена Суфи) Джамми и мечеть Казерга, где похоронен другой почитаемый маулеви (святой). Ограда и обелиск на могиле Джамми поражают искусной и редкой для этих мест обработкой камня. Здесь же находятся могилы почитаемых граждан Герата. Внутри ограды над бассейном растут высокие кедровые деревья и разведен небольшой сад. Этот несколько меланхолический красивый пейзаж, пожалуй, достойное место для могилы поэта.

В мечети Казерга поражает ее архитектура, стройность и соразмерность линий, наконец, тонкая обработка надгробного камня и высокого столба над могилой. Эта мечеть пользуется правом убежища, т.-е. укрывшийся здесь преступник неприкосновенен, пока он находится здесь.

По дорогам тянется нагруженный сучьями и кустарником караван верблюдов, десятки груженых маленьких ослов. Иногда проедет на горячей, стройной лошади чисто одетый купец, с развевающимся концом чалмы, а позади него в седле под покрывалом ловко сидит одна из жен. На унылом ослике, свесив ноги, проедут две закутанные женщины, держась друг за друга. В рисовых полях, над которыми после заката носятся тучами комары, распространители жестокой малярии, склонив спины, по колена в воде работают покорные и смиренные крестьяне. На площади, перед городскими воротами маршируют, с трудом преодолевая европейскую военную премудрость, солдаты с тяжелыми семидесятых годов ружьями на плече. Иногда у ворот происходит кавалерийское учение и тогда можно увидеть мчащихся во весь карьер всадников. В том случае, если они не смогут вовремя осадить коня и он пронесет их в ворота, специально поставленные на этот случай у ворот солдаты огревают всадника с двух сторон палками по спине.

Это напоминает средневековый город, как и все здесь напоминает нам средние века. Так же как волки подходили по ночам к городским стенам средневековых городов, так в Герате к городским стенам подходят по ночам шакалы и визгливо захлебываясь лают, при чем лай их поразительно напоминает детский плач. А в загородных дачах через отверстия в стенах, окружающих сад, они проникают в самый сад, бегают по винограднику и приводят в ярость собак.

В одну декабрьскую ночь в сторожевую будку караула, охранявшего дачу, вбежал волк и схватил за шею спящего солдата. Солдаты проснулись и убили волка топором, и все происшествие не вызвало особенного шума. Приключение в порядке вещей.

III. От Герата до Кабула.

Два караванных пути ведут от главного города Гератской провинции к столице Афганистана — Кабулу. Первый, на Кандгар—Газни—Кабул, до Кандагара идет по выжженному плоскогорью, второй, горный Хезарийский путь пересекает Афганистан от запада к востоку (25—30 дней пути).

Хезарийская дорога, самая краткая, обыкновенно бывает открытой до наступления морозов в горах, т.-е. приблизительно до конца ноября.

С запада на восток она пересекает три ясно намечающихся горных кряжа. Максимальная высота перевалов достигает 12 тысяч футов. Перевалы очень многочисленны, в некоторых проходах между рабатами число их достигает восьми или девяти.

В течение четырех-пяти дней от Герата дорога идет по Герирудской долине и имеет довольно однообразный характер.

На третий день пути от Тагасура до Ходжа-Чишта дорога в одном месте идет по карнизу, высоко над Герирудом отливающим бирюзовыми и изумрудными тонами. Скалы над шумящими каскадами реки имеют самый причудливый вид—это одно из красивых мест дороги.

Следующий переход от Ходжа-Чишта до Хорзара интересен разве только тем, что дорога спускается в один из фруктовых садов и далее проходит вблизи могилы султана Махмуда. Вокруг могилы, как и вообще вокруг особенно чтимых священных мест Ислама ряд мечетей и могил, причем куполы мечетей имеют ясно различаемую форму индийских пагод. Вблизи могилы Махмуда, в скале вырублен ряд пещер, относящихся к особенно бурному периоду истории страны,—эпохе непрерывных походов завоевателей Средней Азии.

Одними из первых здесь проходили фаланги Александра Македонского,

Страны Средней Азии, через которые прошли войска Александра, хранят о нем память граничащую с обожествлением. Для всех стран и всех народов той эпохи чуждая культура завоевателей-греков казалась чудом. Их организованность, их знания, наконец, суровая строгость и простота в оружии и одежде изумляли привыкших к персидской изнеженной роскоши народы Средней Азии. В походах греков не было бессмысленной жестокости. Их гнала жажда приключений и славы, с другой стороны, алчность и желание обогатить Грецию. И поскольку походы Чингиз-Хана и Тимура оставляли позади себя пожарища и трупы, в походах Александра создавались цветущие города, от которых, как, например, от Александрии Маргианской близ Мерва остались грандиозные развалины.

Александр двигался вглубь неведомых стран, скованных тягчайшим рабством; правда, он уничтожал одну деспотию, чтобы заменить ее другой, но в этом неудержимом стремлении на восток в поисках колоний для Греции есть безудержная храбрость и презрение к смерти.

Немногие тысячи греков проходили среди миллионов вооруженных туземцев. Здесь не было перевеса в вооружении, какое дает победу современным колонизаторам, это была эпоха холодного оружия стрел и камней, но перевес Александру давала организованность греков и греческая стратегия.

Необозримые пространства, пройденные Александром, дают нам слабое представление об его походах; некоторую ясность они получают в глазах тех, которые теперь проезжают путями его фаланг и приблизительно в тех же условиях передвижения. Афганистан почти неприкосновенными сохранил те пути и те условия, в которых двигались войска Александра. Десятки перевалов от 7.000 до 12.000 футов высоты, узкая вьючная тропа, зыбкие временные мостки через потоки, тропинки выбитые в скале над обрывом и идущие по карнизу над пропастью дают нам представление о мирных условиях путешествия. Но если представить себе врага за каждым поворотом и в каждом ущелье в этих горных лабиринтах, отсутствие связи с тылом, безводные переходы в течение многих суток, будет несколько яснее дерзость походов Александра. Это не может быть сравнено с походами Чингиз-Хана, Тимура, Бабера, потому что гре-

ков была тысяча там, где войск Тимура было сто тысяч и при этом войска Тимура были не иноплеменники в этой стране. Ревнивый к воинским подвигам иноверцев Коран считает Александра пророком. Коранические стихи в 18-й сурре в обычном патетическом тоне с вдохновенной страстностью рассказывают о походах Зюль-Карнейна (Александра). «Тебя спрашивают о Зюль-Карнейне; скажи, я прочитаю вам повесть о нем». Далее говорится о том, что бог дал Александру силу итти до того места, где закатывается солнце, и, наконец, после многих славных походов велел ему воздвигнуть стену для защиты мира от «едва понимающих какую-либо речь» народов Гога и Магога—легендарных народов. И Александр в ущелье воздвиг стену из меди и железа, через которую не могли проникнуть эти народы. И стена эта будет стоять до страшного суда. Из этой коранической легенды ясно, какую мощь и величие соединял Магомет с именем Александра и его сподвижников. В Афганистане от этой эпопеи остались только монеты греческой эпохи, довольно легко добываемые на месте созданных им городов. С именем Александра соединяются легенды о постройке города Герата, который будто бы построил его полководец Герей. Легенду эту подтверждают местные ученые муллы. На месте рабата Обе, по Хезарийской дороге стоял будто бы основанный Александром город.

Здесь получаешь представление о станциях на афганских дорогах, о так называемых рабатах, это—нечто среднее между постоялым двором и укреплением. Все они построены по одному типу, только на второй половине Хезарийской дороги, там, где кончается Герирудская и начинается Кабульская, рабаты меняют форму на более древнюю и имеют еще более обветшалый вид. Рабат представляет собой прямоугольник, обнесенный стеной из глины, с глиняными же башнями по углам. Ворота его выходят на восток. Иногда рабат окружен неглубоким рвом и это ему придает еще больше сходства с типичным для Афганистана глиняным укреплением. Внутри рабата, часть двора справа отведена под конюшню. В центре двора находится мечеть. Против конюшен расположен целый ряд полутемных комнаток, с отверстием для выхода дыма в потолке, где и помещаются проезжающие. В Герирудских рабатах, кроме того, отделена часть двора, обычно огороженная забором,

в ней находятся 4—5 комнаток, для особо почтенных путешественников. В кабульских рабатах этого нет и вообще они все более или менее повреждены весенними водами и временем. Все комнаты, разумеется, закопчены, грязны и запылены, их не красят, так называемые «паласы»—местные ковры, которые раскладываются служащими рабата для иностранцев и почетных гостей.

Расстояние между рабатами от 18 до 40 верст.

Переход Хорзар, Танги—Азао—один из наиболее трудных во всем путешествии—знакомит нас с Хезарийской дорогой, во всем ее блеске. После длинного ущелья идет ряд перевалов с подъемами и спусками до тридцати градусов, с вьючной тропинкой в пол-аршина ширины и снова с непрерывными подъемами и спусками, утомляющими людей и лошадей. В особенности крепкие нервы нужно иметь путешествующим в вьючных носилках—«тахтараване». Задняя лошадь в тахтараване не видит дороги и стремится итти боком, поэтому тахтараван кренится, лошади идут по краю пропасти. Вьючные лошади еле идут, изнемогая под вьюками, скользят на подъемах и на спусках и добираются до рабата совершенно измученными.

На этом перегоне второе самое живописное место пути. Это узкое ущелье в ярко-красных чудовищной высоты и формы скалах. Это созданные самой природой иллюстрации к Дантову аду. Самые изощренные, мрачные декоративные пейзажи и иллюстрации не дают нам впечатления о тех мрачных и величественных эффектах, которые достигает в своем творчестве природа. Думаю, что в других условиях путешествия, одно это ущелье привлекало бы туристов всего мира.

Самый рабат, Танги-Азао, находится в котловине. Вокруг, со всех сторон нависают ярко белые, меловые скалы и при довольно внимательном рассмотрении, замечаешь ведущую из этой котловины дорогу, круто поднимающуюся вверх тремя зигзагами, на высоту около тысячи футов. Далее дорога принимает однообразный горный характер, среди лишенных растительности однообразных горных цепей, иногда прерывающихся на 20—25 верст долиной. Дорога почти всюду утомительная в беспрерывных спусках и подъемах проходит две недели.

На переходе от Зард-Сенг до Мар-ханэ дорога делается

живописнее и еще затруднительнее. Этот переход на три четверти состоит из узкой вьючной тропинки, наклонной к обрыву то поднимающейся, то опускающейся. Внизу течет река Гильменд, летом почти пересыхающая. Дорога по карнизу заканчивается местом, где сходятся два ущелья, и зыбким мостом через реку. Река с шумом протекает в узком ущелье. По правому гребню скал ущелья вьется дорога над пропастью и огромными скалами. Близ рабата находится теплый серный источник, с удивительно освежающей водой. Еще два дня пути и еще одно красивое место дороги, крутой полуторачасовой спуск к реке Гильменд, протекающей в ущелье и круто поворачивающей между скал. Цвет воды Гильменда превосходит чистотой и яркостью изумрудные воды Герируда. Лошади переходят в брод реку, глубиной не более одного метра и отсюда начинается восьмиверстный крутой подъем на плоскогорье в 12.000 футов над уровнем моря. Над этим плоскогорьем голос человеческий звучит глуше, в июле, в полдень здесь чувствуется прохлада и на горах, расположенных над плато, видны полосы вечных снегов.

Три дня пути и на переходе Фарахолум-Джаскуль начинается спуск в Кабульскую долину, сначала очень узкую и расширяющуюся только у рабата Сери-Чешме.

У самого Кабула Кабульская долина; развертываясь вширь, покрывается пышной растительностью и замыкается Дех-Мазангским ущельем. Это ущелье является как бы естественными воротами города. В семнадцати верстах от города на рабате Калай-Кази сходятся три главные дороги Афганистана, ведущие к Кабулу—Хезарийская, Кандагарская и Мазар-и-Шерифская. Отсюда до Дех-Мазангского ущелья, ведет шоссейная широкая дорога. Собственно этот шоссейный путь начинается за рабатом Коти-Ашроут и представляет собой продолжение Кандагарской дороги.

От моста через реку Кабул начинается самый город. Дорога здесь разветвляется, налево начинаются предместья Кабула, направо идет дорога к мечети султана Бабера и загородным дворцам Чиль-Сутун и Калайфату. При въезде в город по гребням холмов ущелья тянутся полуразрушенные стены, некогда окружавшие город. Шоссейная дорога постепенно ведет нас в самый город и превращается в улицу, нечто в роде набережной реки Кабула.

С левой стороны тянутся длинные здания машин—хане [1]) и электрической станции. На повороте видно большое здание представительства РСФСР и далее за мостом начинается самый город. Характерных для азиатских городов минаретов здесь не видно. За мостом с правой стороны замечаешь мавзолей—нечто в роде индийской пагоды и затем по склонам лепится ряд серых глиняных кубиков-домов. Не доезжая крепости Арк (цитадели внутри города) начинаются европезированные здания—министерство иностранных дел с гробницей эмира Абдурахмана в саду. Ворота крепости открыты. Здесь попадаешь в сущности в ограду цитадели, где расположены учреждения, казенные лавки. У стены стоит ряд старых бронзовых, вышедших из употребления пушек. Самая цитадель находится внутри этой ограды. В нее ведут охраняемые часовыми ворота.

Если повернуть налево от первых ворот, ведущих в ограду крепости, то широкая улица приводит к Кабульскому базару, имеющему в окружности пять-шесть верст. Так называемый базар—Арк, где помещаются казенные и лучшие из частных лавок, представляет собой широкую улицу с довольно большими торговыми помещениями, некоторые из которых имеют вид европейских магазинов в небольших провинциальных городах. За поворотом начинается типичный азиатский базар. Проехав налево под круглым куполом, на балконе которого после заката играет музыка, мы выезжаем на широкую улицу, по левую сторону которой тянется ограда цитадели и далее новый дворец Дель-Куша. Дворец этот выстроен при эмире Хабибула-хане. Это двухэтажное европейское здание с обычным вестибюлем, с большой хорошо обставленной залой, где происходят официальные приемы и ауденции. Не доезжая дворца, направо начинается аллея, в середине которой стоит обелиск в память объявления независимости Афганистана.

В конце аллеи находится местное кафе, отчасти напоминающее европейское, но во всяком случае не далеко ушедшее от чай-ханэ, которое мы привыкли видеть на азиатских базарах. Направо за мостом, мимо главной мечети идет широкое шоссе, огибающее ипподром. Справа от шоссе приблизительно на середине ипподрома выстроена трибуна.

[1]) Государственный и единственный завод в Афганистане.

Ипподром служит в дни праздеств, периодических состязаний здесь не бывает. Кроме того, здесь же после заката солнца происходит намаз, общая вечерняя молитва, на которую иногда собирается несколько тысяч человек.

За ипподромом шоссе поворачивает к Индийской границе на Пешаверскую дорогу. Отсюда до Пешавера немного больше 100 верст. За горными цепями, всего несколько десятков километров к югу лежит северо-западная индийская граница, граница Британской Индии. Великий сухопутный Индийский путь от Балтийского моря через всю Россию и среднюю Азию здесь близится к концу и достичь этого места сухим путем была заветная мечта завоевателей всех веков и народов.

Собственно город Кабул состоит из двух частей—северной меньшей, называемой Дех-и-Афган и большей южной, которую и составляет описанная нами главная часть города. К северо-востоку от Дех-и-Афган расположен укрепленный Шира-Пурский лагерь—поле, служащее для военных упражнений. В Шира-Пурском лагере в 1878 году защищался окруженный народным Газнийским ополчением Робертс. Вообще трудно представить, что с этим разбросанным и в сущности маложивописным городом связано столько исторических воспоминаний. До сих пор афганцы с некоторой гордостью показывают место, где в одну ночь в 1841 году был истреблен шеститысячный английский гарнизон. Такое же мало приметное место—связано с другим воспоминанием—с трехдневной осадной миссии майора Кавеньяри, истребленной восставшим народом.

Мавзолей султана Бабура—место ежегодного паломничества—снаружи также мало примечателен, внутрь этого священного для мусульман места немусульманину почти невозможно проникнуть.

Над мавзолеем Бабура на высотах находится небольшое иноверческое кладбище. Здесь похоронены два бежавших из России во время империалистической войны военнопленных—австрийца и здесь же находится первая Советская могила в Афганистане—могила моряка из охраны Представительства РСФСР. Отсюда видна мечеть Бабура. Кладбище, внутри обнесенного высокой глиняной стеной сада, теряется в зелени и не имеет обычного для мусульманского кладбища унылого и удручающего вида. Северная часть города

представляет собой обычный азиатский город и мало чем отличается хотя бы от Бухары.

Из европейских зданий обращают внимание Кабульский колледж—средняя школа со специальными классами и несколько правительственных зданий. Дома здесь строются с необычайной быстротой из необожженного кирпича и очень примитивно, несмотря на придаваемый им теперь европейский вид.

Мимо колледжа идет путь в загородную резиденцию эмира—Пагман. Это хорошая шоссейная дорога довольно живописная, разработанная для автомобильного сообщения. От Кабула до Пагмана 35 верст. Последняя часть дороги представляет аллею из высоких старых деревьев.

Зубчатые синие горы, среди которых лежит селение Пагман, и довольно пышная растительность делают эту местность одной из самых красивых летних резиденций.

Надо сказать, что предшественники эмира Аманулы—его отец и дед умели выбирать особенно живописные места для своих летних дворцов. Например, дворцы Чиль-сутун и Баг-и-бала по своему расположению напоминают лучшие виллы Швейцарии, но Пагман летом, как расположенный выше имеет большие преимущества. Здесь жара не так чувствуется как в Кабуле, отдаленность от реки и рисовых полей способствует более здоровому климату. Пагман застроен дачами приближенных эмира, летом здесь живут высшие сановники, непосредственно связанные с монархом. Самая резиденция помещается в парке и состоит из дворца и нескольких домов, где живет семья эмира.

От Пагмана к Кабулу идет пологий, но весьма ощутительный спуск, что дает возможность, выключив мотор автомобиля доезжать по инерции почти до предместий города.

У самого Пагмана справа от дороги стоит большой слон, которого употребляют для разных работ в Пагмане. Огромное животное с высеребренными клыками стоит у самой дороги привязанное цепями к большим деревьям и равнодушно смотрит на проезжающие автомобили.

Лучшие из дворцов в городе и вне его отведены представителям дружественных Афганистану стран. Это хорошо обставленные дома, напоминающие европейские виллы и от мебели до картин обставленные по вкусу строивших их индийских архитекторов.

Вся эта внешняя европейская культура исчезает вместе с исчезновением признаков шоссе, ведущего от Кабула на Газни. На первом же рабате оказываешься почти в первобытных условиях путешествия с грязными, закопченными рабатами, с верблюжьими клопами на рабатах, с алчными гудандарами (смотрители рабатов). Сопоставление первых и вторых в данном случае весьма кстати, так как верблюжий клоп отличается от европейского б ольшими размерами и укусами—кровоподтеки держатся месяцы.

От Кабула до Газни ведет дорога годная для колесного движения, здесь же проведен телеграф, но далее, за Газни от Кандагара к Герату, начинается караванный вьючный путь со всеми его особенностями, отсутствием воды, жарой, песком и пылью, раз'едающей глаза.

Главная достопримечательность Кабула—базар.

Азиатский базар—сердце города, так же как торговля почетнейшее занятие на ряду с государственной службой (военной и гражданской). Не даром Коран уделяет так много места торговле и определяет как самый характер, так и юридические нормы торговли. Коран указывает даже как должна производиться самая торговля и как должен вести себя при заключении сделки продавец, заботясь о благопристойности и добропорядочности сдел и. Разумеется в этом отношении, как указывалось, даже добрые мусульмане-купцы иногда уклоняются от догм Корана.

Мусульманский базар это не только место купли-продажи, а одновременно и клуб и место, если можно их так назвать, политических митингов, религиозных споров и проповедей. Здесь место об'явления новых законов и место исполнения судебных приговоров. Азиатский базар имеет свое вековое прошлое и надо сказать, что в некоторых удаленных от какого бы то ни было европейского влияния городах базар сохраняет тот же характер, какой он имел во времена Тимура, или говоря о золотом веке Ислама, во времена Гарун-Аль-Рашида. Базар занимает центральную часть города и в Кабуле, например, состоит из ряда крытых рынков-сараев, иногда прерывающихся, но в общем связанных в одно целое и сконцентрированных в одном месте. После разрушения Кабульского рынка генералом Ноттом при отступлении из Кандагара в войну 1841 года, Кабульский базар долго не

мог достичь своего расцвета эпохи, когда его пощадил даже Тимур.

И тем не менее он и теперь производит на людей, привыкших к сутолке европейских городов, впечатление лабиринта с сотнями непрерывно тянущихся по обе стороны разнообразных лавок, представляющих собой заполненные товарами неглубокие ниши.

Внутри лабиринта льется непрерывный людской поток, среди которого плавно колышутся нагруженные верблюды, ослы, вьючные лошади. В этой толпе ухитряется проскакать чуть ли не карьером какой-нибудь хан или офицер со своими слугами, скачущими или бегущими впереди с пронзительными криками «хабарда»—берегись. Всюду на востоке считается особым шиком присущим важным особам проезжать по базару быстро, сшибая с ног пешеходов и опрокидывая ко всему безразличных ослов. Ни чуть не медленнее проезжают местные двухколесные экипажи—баги, а иногда и тяжелые кареты местных сановников.

Самые разнообразные запахи восточных пряностей и непряностей смешиваются в тошнотворный застоявшийся под навесами крытого базара воздух. К этому примешивается почти тропическая невыносимая жара, которая спадает только после заката и тогда делается возможным нормальное существование.

В Старой Бухаре, отличающейся тоже прославленным во всей Азии базаром, существует ко всему этому обычай хоронить своих покойников на крышах домов. Плоская крыша дома нечто в роде маленького кладбища, где недавно похороненный покойник погребается в своеобразном глиняном, плохо замазанном склепе. Склеп трескается от жары и запах разложения дает себя чувствовать за несколько десятков шагов в окружности. В Афганистане, повидимому, этого обычая нет и самые кладбища редко устроены внутри городских стен. Но и без этого антисанитарное состояние базара делает долговременное пребывание здесь очень утомительным.

Невероятно тощие собаки десятками бродят по базару, высунув языки или лежат поперек дороги, не давая дороги проезжающим и иногда погибают под колесами. Почти в таком же состоянии от голода и апатии лежат искалеченные нищие. Недалеко от крепости Арк находится казенный

серай с довольно благоустроенными лавками. Здесь навеса нет; улица, которую составляют ряды лавок, довольно широка, но вслед за поворотом начинается крытый базар со всеми указанными выше прелестями. Этот довольно длинный базар заканчивается небольшой площадкой, где находится местная «валютная» биржа.

Отсюда радиусами расходится Шур-базар, т.-е. тянущийся на целые версты (не менее пяти-шести) лабиринт крытых базаров. Поджавши ноги, алчно поблескивая глазами сидят менялы—парсы с красной точкой нарисованной между бровями. Парсы—огнепоклонники и кроме этого интересны как одно из наиболее ненавидимых индусами племен в Индии. Это объясняется их коммерческими способностями и, главным образом, ростовщичеством. Возле лавки оружейника, где продается всевозможное оружие от кривых афганских сабель до современного кавалерийского палаша, от одиннадцатизарядной английской винтовки до кремневого ружья с тонким в виде кривой палки прикладом, возле этой лавки, в оцепенении, затаив дыхание от восторга, стоят какие-нибудь прибывшие с северо-западной индийской границы вановаziры или афридии, рассматривая современную винтовку.

Европеец здесь редкое явление и потому вас окружает толпа любопытных, выстраиваясь плотной стеной и с напряженным вниманием следит за каждым вашим движением.

Длинные ряды лавок завалены пестрыми, разнообразными индийскими материями, возле которых иногда стоят афганские женщины в темных покрывалах и черной волосяной сеткой в вырезе глаз. Далее торгуют старым ношеным платьем, здесь бухарские халаты и местные желтые расшитые шубы, перемешаны с шитыми золотом английскими красными мундирами времен королевы Виктории. Потом ряды башмачников со стенами лавки увешанными местными туфлями, какие изображаются в иллюстрациях к «Тысяче и одной ночи». Узкие ниши ювелиров, выковывающих на маленьких наковальнях местные широкие браслеты и кольца. В седельном ряду рядом с европейской сбруей поражает местная разубранная бирюзой, выложенная серебром сбруя и высокое с выдающейся лукой седло и рядом жалкое деревянное седло ценой в две-три рупии, на котором совершенно непонятно как можно усидеть. Здесь уже часто

попадаются чай-хане—местные кофейни с русскими самоварами и чашками Кузнецова и харчевни, где на углях жарится баранина. В конце базара лавки индусов более чистые, в них преобладают европейские товары, то, что сбывают в колонии англичане.

Здесь же на базаре можно купить старинный кинжал с рукояткой из слоновой кости, кашемирскую шаль или монету времен Александра Македонского или книгу пятисотлетней древности, написанную от руки, при чем в очень тонких персидских рисунках выскоблены лица, так как Ислам не позволяет рисовать человеческие лица. Самые оригинальные по рисункам вывески, подлинные примитивы попадаются на дверях бань. В териак-хане (териак—опиум) курят опиум и гашиш солдаты, купцы и другие, а главным образом, курят анашу—местное одурманивающее зелье. Это, конечно, не запрещено в других областях весьма строгим законом.

На пороге мечетей стоят муллы в положенный час молитвы, зажимают себе уши и оглушительно возвещают слова молитвы «Алах акбар...»—велик Алах. В самой сутолоке проходит высокий старик в зеленой чалме—хаджи, т.-е. побывавший в Мекке, громким голосом среди криков, ругани, воплей ослов, расказывающий историю мусульманского святого. Навес на несколько сажен прерывается и справа видна пересохшая река Кабул, обнесенная невысокой глиняной оградой, и по этой набережной проводят к реке в «Филь-Хане»—в точном переводе слоновый дом—казенных слонов, выполняющих какие-нибудь общественные работы и перевозящих тяжелые грузы. Во фруктовых лавках, заваленных виноградом, дынями, гранатами, большей частью из ниже расположенного Джелалабада, за несколько пуль—медная монета, продадут груду фруктов, которую одному никак не унести. И все движется, кричит, несется, иногда замедляя движение и собирая толпу в том месте, где упал в корчах холерный больной. Но, разумеется, это, никого не пугает... «Иншалах»—воля божья, умрет или выздоровеет. И все попрежнему пьют из мутного арыка и едят в громадных количествах виноград и дыни. Базары других городов мало чем отличаются от Кабульского, но, разумеется, все они меньше его по размерам. Но в Герате, например, можно наткнуться на сцену повешенья или проще

увидеть увенчанного под куполом в центре базара, где внизу хладнокровно продают хлеб.

В Кабуле этого не увидишь. Город более разбросан и от стен окружавших его остались размытые развалины на холмах. Там острее чувствуется сочетание внешней европейской культуры с Азией.

Там мимо каравана, направляющегося в Индию по Пешаверской дороге, промчится автомобиль или мотоцикл, а многочисленные ослы преграждают дорогу велосипедистам, в местной одежде и, конечно, в чалме. Там ровные аллеи местных Елисейских полей—Чаман, обсаженные цветами, освещенные электричеством, ведут к почти европейскому ипподрому с одной трибуной и к радиотелеграфной станции. И только после заката солнца, в час молитвы, здесь собираются тысячи молящихся, обращающих лицо к Мекке и одновременно припадающих к земле. После молитвы и заката солнца быстро, как везде на юге, темнеет. Вспыхивает электричество и опять взад и вперед маршируют с музыкой одетые в красные мундиры гвардейские музыканты. Здесь же всадники показывают быстроту коней—все лучшие лошади известны и на счету. Иногда проедет дворцовая карета, из которой выглядывают местные дамы в старомодных европейских костюмах и плотной цветной вуали, обмотанной вокруг старомодной шляпы, вуали, конечно, закрывающей лицо.

В девять, а летом в десять часов—пушка. Еще за полчаса до пушки улицы пустеют, а после пушки на улицах ни души. Без фонаря на улицу запрещено показываться, и вообще без дела прохожего задержит полиция. Это общий для всех азиатских мусульманских городов порядок, весьма строго соблюдающийся. Проехать впрочем, можно, но фонарь обязательно нужен. Предполагается, что он указывает на добрые намерения прохожего, так как с фонарем его сразу заметит стража. Человек с недобрыми намерениями, вероятно, рискнет выйти на улицу после пушки и без фонаря.

IV. Население. Нравы. Быт.

Распространившийся в IX веке Ислам объединил и воодушевил наиболее воинственные афганские племена, подготовив их к главенству, а история страны обрекала ее

на долгие годы замкнутости и это еще больше способствовало незыблемости идей Ислама среди афганских племен.

Здесь он не поддавался расслабляющему влиянию сношений с европейцами, непрерывные войны еще более укрепляли дух воинствующего Ислама, не было и той изнеженности нравов, которая является следствием удачных победоносных войн, принесших огромную добычу и годы прочного мира. Наоборот, борьба за независимое существование, соединяемая в представлении афганцев с борьбой за религию, создавала крайний фанатизм населения и религиозную нетерпимость. Даже традиционная вражда суннитов с шиитами здесь сказывается особенно остро. Шииты не считаются мусульманами и ставятся на одну доску со всеми кафирами (безбожниками).

Природная воинственность племен сказывается в той ценности и значении, которое придают здесь оружию. Самый бедный крестьянин, отправляясь верхом на ослике в соседний кишлак, берет с собой или старое кремневое ружье, или саблю, или, наконец, нечто в роде пики. Если принять во внимание то, что здесь испытывается нужда даже в железе, то легко уясняется нелестная репутация разбойников, которая прочно установилась за некоторыми афганскими племенами. Действительно, ради нескольких серебряных монет, ради стада баранов или для того, чтобы получить оружие, жители кишлаков иногда решались на самые рискованные нападения. В стране, где по шариату отрубают кисть руки за воровство, где пытка и повешение обыденное явление (в провинциях) трудно рассчитывать на природное добродушие или даже традиционное гостеприимство Востока [1]). Длительные войны и слепой фанатизм населения сделали афганцев страшными даже в глазах их единоверцев арабов и турок, не говоря уже о шиитах-персах. Персидская поговорка гласит: «если на дороге увидишь змею и афганца, убей сначала афганца». Даже в мирные периоды, на границах Афганистана шла партизанская война, своеобразная гверилья, к которой, помимо угона скота и грабежа, был примешан элемент кро-

[1]) Впрочем в настоящее время дороги почти безопасны, но конвой обязателен для иностранцев.

вавой мести между пограничными жителями с той и другой стороны.

Помимо устройства поверхности этой гористой, как бы созданной для вечной войны страны, беспрерывное передвижение бродячих племен от Индийской границы к северу летом и обратно зимой, приводило к постоянному тревожному состоянию в областях, мимо которых продвигались кочующие племена. Их караваны с верблюдами, ослами, лошадьми, стадами баранов, двигаются через горные перевалы, иногда растягиваясь на три-четыре версты. Глава племени делает привал у источника, здесь раскидываются шатры и племя оседает на довольно продолжительное время. Становища в стороне от дороги попадаются довольно часто, злые косматые псы выбегают на дорогу и преследуют всадников, проезжающих мимо. Иногда можно видеть, как тут же, близ дороги, делится мясо только-что зарезанного верблюда, при чем его распределяет между семьями глава племени. Почти все мужчины племени вооружены, у женщин лицо не закрыто чадрой.

О характере афганцев судить довольно трудно, так называемое коварство этого народа, собственно говоря, вытекает из крайнего слепого фанатизма. По их религиозным верованиям обман иноверца не является грехом и из этого вытекают все их действия, идущие даже иногда в разрез с действиями других мусульманских народов. Воинственность и храбрость идут здесь рядом с жестокостью, чисто детским любопытством и наивностью. Жестокость свойственна афганцу с детства, дети жестоко обращаются с собаками и кошками, взрослые с лошадьми, верблюдами, ослами. Публичные наказания и ненавистническая, по отношению к иноверцам, проповедь мулл, раздувают звериные инстинкты.

У народа нельзя отнять крайне чувствительного национального самолюбия. Бедная, нищая страна—их родина, кажется им лучшим местом на земле и эта любовь к родине остается неизменной даже у побывавших за границей афганцев.

О каком-нибудь, не представляющем ничего особенного, полуевропейском доме с садом, говорят с восторгом, как бы это был необыкновенный дворец. Так же и в таком же восторженном тоне говорят о лошадях, о столице—Кабуле,

о мечетях. Вместе с низкопоклонством перед своими чиновниками, иногда проскальзывают самые буйные, мятежнические чувства и мятежи солдат, восстания отдельных племен здесь не редкость. Вместе с тем, торжественный в'езд какого-нибудь чиновника, со всей принятой здесь помпой, с кавалеристами, конвоем, пушечным салютом, собирают тысячи приветствующих в'езжающего в город. Каждое событие, парад, гонки, казнь, в'езд посланника, рассматривается как зрелище «тамаша» и собирает тысячи народа. Народ очень любит и разводит цветы, любит певчих птиц, соловьи ценятся очень дорого на базарах.

В полном противоречии со склонностью к мечтательности и лирике находится все та же прирожденная воинственность афганцев. С европейской точки зрения, армия, из плохо обученных крестьян-солдат, без снабжения, без красного креста, без связи, не представляет никакой опасности. К тому же, очень немногие командиры имеют представление о стратегии. Но история англо-афганских войн дает ряд доказательств высокой боеспособности афганских войск. Английские экспедиционные войска, испытанные в горной войне на границе, хорошо снабженные и вооруженные, обученные по европейскому образцу и даже под командой такого генерала, как Робертс, неоднократно терпели тяжелые поражения в Афганистане. Это об'ясняется не столько приспособленностью Афганистана к горной войне, сколько поразительным единодушием, мужеством и смелостью населения.

Чужеземные войска имеют дело не с афганской армией, а с вооружившимся чем попало народом, прекрасно знающим местность, неутомимым и беспощадным, руководимым фанатикам, и, заранее обрекшими себя на-смерть—гаази.

Равнодушие к смерти и жажда мученичества, жажда смерти в бою с неверными, а следовательно и рая, особенно ярко замечается в следующем ответе афганца одному мусульманину—не афганцу.

В один острый момент истории страны, когда посольство страны, ведущей переговоры с Афганистаном, могло быть поголовно вырезано, на одно указание, что за убийство членов иностранного посольства ответит жизнью афганское посольство в той стране, с которой велись пере-

говоры, афганец, ответил. «Иншалах»... И те афганцы, которые убьют здесь кафиров-послов попадут в рай и те афганцы, которых в отместку убьют в своей стране кафиры, тоже попадут в рай». При таком образе мыслей, почти каждая миссия, как-будто, рисковала разделить судьбу миссии майора Кавеньяра.

Надо иметь в виду, что несчастный случай с неугодившим европейцем, в отсутствии европейцев свидетелей, всегда можно было объяснить тем, что европеец оскорбил Ислам.

Бывали случаи, когда при разбирательстве дела, афганец, угрожавший оружием европейцу, отрицая это, клялся на Коране и клятву эту приходилось из уважения к религии признать достаточной для его оправдания, а между тем, клятва на Коране в том случае, если она касается дела с иноверцем не имеет силы. По крайней мере, так толкуют некоторые муллы.

Об афганских наездниках достаточно говорилось. Разумеется, при их горных, выносливых лошадях и привычке к долгим переездам даже самой опытной европейской кавалерии трудно будет справиться с ними. В набегах они незаменимы.

Параллельно с жестокостью, злопамятством и мстительностью, идет чисто азиатская внешняя вежливость. От низших до высших сановников все очень вежливы и высокопарны в обращении. При встрече два мелких купца обмениваются рядом однозначущих приветствий «Саламат асти Джур-ас-ти, Хуб-ас-ти, Бехер-ас-ти». Водонос и погонщик верблюдов в разговоре называют друг друга не иначе, как «Дженаби-Али» (применительно к «Ваше Превосходительство») и никогда не забудут прибавить к имени собеседника частицу «хан», (вроде германского «фон»). Эта напыщенная вежливость особенно сказывается в официальной переписке, где один чиновник титулует другого «Нежный, грациозный, величественный», «Да увеличится почет его», «Желаю вам здоровья и милостей эмира». Однако, все это не мешает величать друг друга в ссорах и драках такими кличками и употреблять ругательства, которые не встречаются и в европейском языке.

Путешествующие «с почетом», т.-е. с мехмандаром, конвоем и слугами, иногда видят своеобразные приветствия

крестьян по пути. Иногда на дорогу льют воду (вода самое ценное в стране, живущей искусственным орошением), иногда женщины и дети жгут на жаровне цветы, сидя на корточках у дороги. Разумеется, это делается не бескорыстно.

Мусульманский скептицизм и равнодушие к материальной жизни встречается здесь, по большей частью у нищих-дервишей стариков, собирающих подаяние у дороги, сидя у какой-нибудь могилы святого, обнесенной оградой и украшенной рогами павших животных. С четками и кораном в руках, полуголые, они сидят иногда в самой оживленной узкой уличке, в какой-то прострации, не замечая ни движения, ни шума азиатского базара, однотонно выкрикивая священные тексты.

Припоминается одна встреча в пути, близ рабата Сари-Куталь, в двух стах верстах от Кабула. Дорога идет по плоскогорью, на высоте, приблизительно, одиннадцать тысяч фут. В октябре месяце здесь бывает очень холодно. На крутом подъеме мы увидели совершенно голого старика, который, весь дрожа от холода, шел по направлению к рабату. Нужно обладать горячей и слепой верой, чтобы итти на богомолье в Кабул к гробнице Бабура, не имея ни пищи, ни одежды.

С европейской точки зрения жизнь здесь течет слишком медленно. Здесь не торопятся ни путешествовать, ни торговать, ни работать. Простая покупка на мелкую сумму производится с толком и расстановкой. Однако, для нас странно, когда торговец сам не знает, что у него свалено на полках, странно, когда сапожник или портной на вопрос, когда будет готова заказанная вещь, отвечает «Иншалах» (Бог знает).

Семейная жизнь народа недоступна наблюдению европейца. Гаремная жизнь здесь, действительно, ограждена от постороннего взора, как нигде в мусульманских странах. Исследователи Востока, в роде русского ученого Чреванского [1]), с некоторым недоверием относятся к строгим правам Ислама в семейной жизни. Например, в качестве доказательства приводится факт, будто бы, закутанные в чадру женщины иногда остаются с открытым лицом, когда видят европейца и вблизи нет мусульманина. Разумест-

[1]) „Мир Ислама", второй том.

ся, этот довод весьма слаб. По закону, мусульманская женщина может показываться открытой иноверцам-кафирам и только в особенно фанатических странах это запрещается. Взгляд кафира не является греховным, потому, что кафир почти не человек. Странно, что в стране, где вопрос о здоровьи жены является неприличным, женщины все же окружены заботливостью и вниманием, в особенности у высших классов населения. Мать хозяина дома главенствует иногда в доме. Многоженство раньше было доступно только сравнительно состоятельным классам. Выкуп за невесту, уплачиваемый ее семье, был довольно значительным. Только недавно одна из реформ запретила взимание выкупа больше 30 рупий, а раньше было запрещено многоженство, при чем запрещение обосновывалось священными текстами.

Даже жены сановников находятся в тех же затворнических урсловиях, однако, несколько приобщаются к Европе, одеваются по устарелым европейским модам. Некоторые из них немного читают по-английски и являются патронессами Кабульского женского училища. Но в общем их развитие и образ жизни мало чем отличают их от жен мелкого купечества и чиновничества. Жены крестьян являются рядовыми работниками в семье и полувьючными животными. Таким образом, затворнический образ жизни сохраняется только у женщин более состоятельных классов.

Мальчики и девочки предоставлены самим себе, у состоятельных родителей они учатся в медрессе, и, обучившись читать и писать, на этом кончают образование. После девяти лет девочки закрывают лицо, а в 11—12 лет часто выходят замуж, при чем бывают случаи, когда их заранее обручают в 6—7 лет. Развлечением для женщин является прием гостьи, при чем иногда, при этих взаимных визитах играет в закрытом внутреннем дворике музыка. Разговоры при этом, как можно заключить из слов посещающих гарем европейских женщин, самые несложные. Уровень развития у женщин самый ограниченный и вертится вокруг нарядов и детей. Когда наступает новый год, целая неделя является как бы праздником женщин, которые в это время освобождаются от семейных забот, наряжаются, делают друг другу визиты, ездят в окрестные мечети на богомолье.

Между тем, мужчины проводят время более разнообразно. За месяц до нового года, каждую пятницу, за городом бывают состязания в борьбе, скачки, стрельба в цель. Да и кроме праздничных увеселений, несмотря на запрещение вина, мужчины проводят время не весьма добродетельно, со всеми, присущими Востоку пороками. Курение анаши, териака (опиума) здесь не редкость, азартные игры, бои петухов, несмотря на преследование закона, существуют. Здесь очень любят музыку.

Струнный оркестр составляется из музыкантов-индусов, у. которых, кроме местных струнных инструментов, звонка и барабанов, есть нечто вроде маленькой индусской фисгармонии с клапанами, которая приносится вместе с другими инструментами. Музыка сопровождается пением, при чем песни больше частью любовного содержания. Иногда можно неожиданно услышать европейский кэк-уок, усвоенный еще в Индии индусами-музыкантами.

Военные оркестры состоят частью из европейских инструментов (духовых), частью из инструментов, напоминающих шотландскую волынку. Мотивы почти все в темпе марша, однообразно повторяющиеся. Все дело в ритме и темпе то ускоряющемся, то замедляющемся. Боевой марш исполняется музыкантами с нарастающейся экспрессией, в каком-то самозабвении, при чем все стараются извлечь из инструмента более громкий звук. При этом музыканты маршируют в соответствующем темпе взад и вперед. Одеты они в красные английские военные мундиры, как и многие из афганских солдат.

Но в обыкновенное время солдаты одеты в обычное крестьянское платье.

Костюм афганца состоит из широких белых панталон, на которые идет до 15 газ (метров) белой материи вроде полотна (джима)—это так называемые «кандагарские»—патлун кандагари. Поверх белой рубашки, выпущенной почти до колен на панталоны, надет местный глухой жилет и поверх жилета длинная куртка из коричневого мохнатого верблюжьего сукна (курк или барак). На голове, поверх тюбитейки, чалма из белой материи (маты) завязанная так, что один конец свисает за спину. На босу ногу надеты местные грубые туфли из кожи на деревянной подошве. Боле состоятельные носят расшитые золотом, с

загнутыми носами туфли так называемые пешаури-пешаверские или «мультани». Местные франты поверх всего накидывают нечто вроде шали, сложенной вчетверо в длину, так что один конец ее свисает за спиной почти до колен.

Европеизированные чиновники комбинируют этот костюм с европейским френчем или пальто, но белые панталоны остаются нетронутыми.

Одетые большей частью в хаки английского военного образца, афганские солдаты вне службы одеты так же, как обыкновенные крестьяне, да это в сущности и есть вооруженные крестьяне, с трудом усваивающие строевую службу и европейские приемы. Несмотря на всю ценность современного огнестрельного оружия, здесь больше предпочитают тяжелые кривые афганские сабли и треугольные прямые ножи, с которыми, в свое время, народное Газнийское ополчение в войну 1878—1881 г.г. шло на английские пушки. Старики с удовольствием вспоминают бой при Мейванде, где Гератские войска разбили большой английский отряд, при чем войска эти состояли из крестьян, вооруженных дубинами и камнями.

От афганских нищих, живущих одной лепешкой в день, и выше, до занимающих сравнительно видное положение чиновников, население питается в общем скверно. Даже богатые купцы, кроме чая и лепешек, ограничиваются традиционным пловом два раза в день. Разнообразие в пище, да и то весьма относительное, бывает только у высших сановников. Когда во время приема, если он происходит у иностранцев, подходит время намаза (вечерней молитвы), почти все присутствующие встают и выходят на крышу дома, где читается молитва, затем все опять возвращаются на свои места. Разумеется, все описываемое сохранилось только в провинции. В Кабуле теперь насаждаются европейские обычаи, однако, внешняя религиозность сохраняется попрежнему. Несмотря на роль, которую играет религия в этой мусульманской стране, представители культа—муллы, дервиши, внешне играют менее заметную роль, чем патеры, пасторы и священники в Европе. Это объясняется тем, что немногие муллы не имеют другой профессии, кроме дела служителя культа. Кроме мулл—учителей и врачей, встречаются муллы ремесленники, чиновники, купцы. По своему положению, муллы не могут играть доминирую-

щую роль в жизни населения только потому, что они муллы. Каждый мусульманин, при желании, может посвятить себя изучению святых книг и достичь в знании Ислама такого совершенства, что его авторитет может быть выше авторитета местных мулл, в особенности, если он еще известен как человек высоких нравственных качеств. Какой-нибудь старик сановник считает себя в вопросах веры таким же знатоком, как самый ученый мулла в его провинции, и в случае конфликта с местным духовенством, может действовать силой по отношению к духовенству.

Поэтому, эмир Абдурахман убил без всякого раздумья своего врага, муллу, спрятавшегося в мечети, пользующейся правом убежища. Он объявил этого муллу неверным и потому лишенным права убежища. И, несмотря на такое положение, вряд ли в какой-нибудь другой стране религия играет такую роль, как в Афганистане.

Европеец верхом на прогулке делает вид, что не замечает косых взглядов и плевков в его сторону. Правда, это делают, главным образом, древние старики и мальчишки и делают с опаской, но даже внешне дружелюбная толпа, останавливающаяся в дни свадеб и пляшущая под музыку и барабан у дома европейцев в ожидании подачки, толпа нищих, хватающая на лету монеты (которые ей по обычаю бросают из коляски), растерзает европейца, который дерзнет посягнуть на закрытую чадрой женщину или европейца, оскорбившего религиозные чувства.

К своему подданному, туркмену, узбеку или хезарийцу, афганец относится с недружелюбным презрением, как к вассалу, к европейцам со стороны которых в прошлом он видел только посягательства на свою независимость афганец относится со всей внешней почтительностью, если этого требует момент, соединяя это со скрытой подозрительностью и враждебностью.

К числу вассального населения, которое афганские племена считают ниже себя, надо отнести издавна живущую в Герате еврейскую общину.

Живущие в Герате евреи большей частью выходцы из Бухары. Несмотря на стесненные в исповедывании своей религии, они тем не менее лишены некоторых гражданских прав— не могут служить в войсках и на государственной службе и обложены специальным налогом. В Герате их числится

до пятисот семейств, приблизительно до 2.500 человек. Они имеют своего старшину-калантаря и живут обособленно. Их дома, сообщающиеся внутренними ходами, напоминают средневековое гетто. Все они отличаются крайним фанатизмом и считают европейских евреев—неверующими. Так как в их руках сосредоточена крупная часть торговли Гератской провинции, то они представляют собой силу, с которой приходится считаться администрации. Помимо обязательного налога, они оказывают часто помощь властям ссудами довольно крупных сумм.

Известен факт их денежной помощи правительству в англо-афганскую войну 1919 года. Разумеется, эти услуги далеко не добровольного характера. Все они носят чалму и по внешнему виду мало отличаются от остального населения. Женщины-еврейки на улицу выходят с закрытыми лицами из опасения оскорбления со стороны фанатичной мусульманской толпы. Дома оне, разумеется, лица не закрывают.

Вся община пропитана сионистскими идеями, мечтает о «земле обетованной» и переселении в Палестину, но сионистская агитация властями преследуется, так же, как и попытки эмиграции. В общем, перед глазами сколок с средневекового гетто, разве только не чувствующего каждую минуту опасности поголовной резни и погрома. Население хотя и считает евреев неверными, но относится терпимо.

Только в 1921 году было отменено рабство в Афганистане.

Вот в каких выражениях составлен фирман эмира, отменяющий рабство. «Достойно сожаления, что некоторые славные и почтенные лица владеют рабами и рабынями, хотя, согласно приказов Светлейшего шариата, владение последними не дозволяется. Народы и племена Ислама, которые являются свободными, не могут держать в своих домах рабов и рабынь. После этого (приказа) лица, впавшие в униженное состояние рабства, в виде рабов и рабынь, должны быть безотлагательно и без промедления освобождены. Если кто ранее сего имел сожительство с рабыней, от которой имел детей, но до сих пор по неведению не заключал с ней брачного союза (договора), согласно правилам шариата, должен вступить с ней в брак

и выдать ей брачный документ, при условии согласования с приказами шариата о соблюдении ее прав. Если кто под видом какой-либо хитрости, например, под именем слуги, или под именем своего ребенка, пожелает задержать рабыню, то это не дозволяется. Он должен безусловно удалить ее из своего дома, предоставив ей право итти куда она хочет. Если кто нарушит этот приказ и будет держать у себя в доме рабынь из упомянутых выше (в приказе) рабынь насильно, то с хозяина дома взыскивается штраф от 1.000 до 2.000 рупий на душу. После настоящего приказа покупка и продажа рабынь какого бы то ни было племени воспрещается. Если кто-либо приступит к покупке и продаже рабынь, то где бы они ни находились, они объявляются свободными».

Освобождение рабов и рабынь, согласно приведенному приказу, должно было осуществиться в Кабуле в течение одного месяца, а в провинциях в течение трех месяцев, под угрозой указанного в приказе штрафа.

Возвращаясь к отношению афганцев к европейцам, нужно указать, что эта подозрительность и скрытая враждебность даже в отношении к дружественным им европейцам, больше всего сказывается на простых исследователях, интересующихся бытом, условиями жизни и племенным составом страны. Тем более это применимо к тем из исследователей, с национальностью которых у афганцев соединяются воспоминания о десятилетиях борьбы. Может быть с развитием реформ расширятся возможности для чисто научных исследований.

Следует отрицательно относиться к тому разлагающемуся влиянию так называемой колониальной цивилизации, почти уничтожившей все остатки старого быта и иногда очень почтенных обычаев в Персии, Индии, Египте, Европейской Турции, но одновременно с этим замкнутость и косность Афганистана времен Хабибулы-Хана и Абдурахмана является другой крайностью. У этой нетерпимости и косности есть свое оправдание и это оправдание в вековой борьбе за самостоятельность и независимость, которая велась Афганистаном против завоевателей, грозивших ему со всех сторон.

В глазах многих эта страна и ее население представляется более страшным, коварным и жестоким, чем оно

сеть на самом деле. Разумеется, это неверно, потому что народ в общем гостеприимен и благожелателен к тем иноверцам и иноплеменникам, которым он верит.

Здесь будет к месту привести перевод стихов Саади из Гюлистана. «Опасен тот враг, который боится тебя, а не тот, кого ты боишься. Змея жалит человека, потому что боится, что он ее убьет палкой». К тем, кто не несет с собой угрозы чужеземного ига, население относится дружелюбно.

Перемене мнения о чужеземцах много способствовала работа русских врачей при Советском Представительстве. В стране, где всецело торжествуют знахари и муллы, где укушенный змеем умирал, но не подпускал к себе европейского врача,—в Кабульском госпитале в 1922 году русские врачи делали операции даже женщинам-афганкам.

Однако, это не мешало наместнику Герирудской провинции опечатать имевшиеся в Гератском госпитале европейские лекарства и не выдавать их по рецептам врача Советского консульства, на том основании, что «афганцы болеют от европейских лекарств». Но старый наместник был смещен и европейские лекарства восторжествовали над заговорами и травами.

V. Афганистан и сопредельные страны.

Дипломатические сношения Афганистана с сопредельными странами, т.-е. собственно с царской Россией и Англией, неудержимо стремившимися к закреплению своего влияния на Среднем Востоке, начались еще в начале 19-го века. Нельзя считать правильными дипломатическими сношениями путешествие в Кабул казанского купца Даудова в 17-м веке и неудачные попытки только-что обосновывавшихся в Индии англичан. Географическое положение небольшой горной страны сделало ее буфером между двумя колонизаторскими державами России и Англией, и соответственно с этим сложилась политика страны до наших дней. Миссия Эльфинстона в начале 19-го века начинает правильные дипломатические отношения со стороны Англии и поездка прапорщика Виткевича, трагически покончившего с собой из-за штабных интриг,—первый шаг России в сторону последней преграды на пути в Индию. Завоевание Туркеста-

на, продвижение к Мерву и по Аму-Дарье к Бухаре, афганской границе серьезно обеспокоило Англию. Не было секретом неуклонное стремление России в сторону Индии. В представлении славянофильских элементов Индия являлась обетованной страной, жаждущей власти «белого царя», и со времени Петра и Павла I, русских империалистов не оставляла мысль о походе на Индию. Захват, в сущности, ненужного оазиса Пенде и закладка крепости Кушка, были прямой подготовкой опорных пунктов наступления на Кандагар и Кветту и далее в пределы Индии,—путь, намеченный Бонапартом. Со своей стороны, Англия, где иногда торжествовала точка зрения «активной обороны», дважды занимала линию Джелалабад—Кабул—Газни—Кандагар, внутри самого Афганистана и дважды в 1841 году и в 1878—1881 году, англо-афганские войны кончались не вполне удачно для англичан. И в этих неудачах или неполных удачах играли большую роль независимые племена, живущие в полосе Сулеймановых гор и охранявшие наиболее удобный проход в Афганистан—Хайберский. Пройти в Афганистан стоило сравнительно небольших усилий англо-индийским войскам, но вслед за этим, связь с Индией перерезывалась самыми воинственными из афганских племен—пограничными племенами, и это во многом способствовало сохранению независимости Афганистана. Вторым периодом англо-индийской политики в Афганистане надо считать равновесие, установленное Англией в 1881 году, при захвате власти эмиром Абдурахманом. Русская миссия во главе с тупым и безграмотным в восточной политике казачьим генералом Столетовым, прибывшая в Кабул в 1878 году, в сущности способствовала превращению Афганистана в запретную для России страну и подготовлению будущего плацдарма для английского наступления в сторону Туркестана. Обещав военную поддержку эмиру Шир-Али, Столетов толкнул неподготовленный и слабый в военном отношении Афганистан на войну с Англией. В этот период русско-турецкая война, кончившаяся сначала выгодным для России договором в Сан-Стефано, едва не привела к русско-английской войне. Русская дипломатия под угрозой новой европейской войны очистила все позиции, и столетовские обещания в Кабуле были, естественно, аннулированы. Эмир Шир-Али умер в изгнании в Таш-Кургане, после недолгих и обычных для Афганистана при-

дворных распрей, власть оказалась в руках эмира Абдурахмана, ранее пользовавшегося «гостеприимством» туркестанского генерал-губернатора в качестве почетного пленника. Это обстоятельство тоже способствовало победе английской дипломатии, и, таким образом, до 1919 года Афганистан в своих дипломатических сношениях находился под контролем Англии, вернее, вице-короля Индии, и пользовался в сущности ничтожной субсидией на «укрепление» подступов в Кабульскую долину.

Соглашение 1907 года между Россией и Англией разграничило их сферу влияния на Среднем Востоке и таким образом закрепило успех английской дипломатии. Мировая война опять остро поставила для Англии вопрос об охране индийских границ. Германские офицеры и агенты, действовавшие в Месопотамии, проникли в Афганистан. Но эмир Хабибула-Хан, следовавший затворнической политике Абдурахмана, закрывая глаза на действия миссии Нидермайера, воспользовался этим только для того, чтобы выторговать увеличение субсидии. Со смертью Хабибулы-Хана кончается второй период англо-афганских отношений. Непрекращающиеся столкновения с независимыми племенами на границе, тайная поддержка племен Афганистаном, а отчасти и тактический шаг эмира Аманулы-Хана, давшего выход накопившемуся за многие годы англофобскому настроению, вызвали войну и вслед за ним поворот в политике Афганистана.

На севере вместо хорошо знакомого соседа—царской России, не внушающего никакого доверия, появляется новое, непонятное для афганцев государственное образование, выбросившее лозунги освобождения и объединения народов Востока, для борьбы с колонизаторами всех наций. Прибытие чрезвычайного посла Мухамед-Вали-Хана в Москву знаменует начало дипломатических сношений РСФСР с Афганистаном, и вслед за этим к концу 1919 года в Кабул прибывает чрезвычайный полномочный представитель РСФСР. Соглашение в Раваль-Пинди снимает контроль Англии над внешней политикой Афганистана, но, вместе с тем, лишает его субсидии и развязывает руки Англии в полосе, населенной независимыми племенами. Фактически верный страж Афганистана, независимые племена отдаются на усмирение англо-индийским войскам. В Кабул прибывает миссия Добса. Цель миссии—превратить соглашение в Раваль-Пинди в

более или менее прочный договор. Освободительное движение в Индии и халифатское движение—стремление к восстановлению независимости мусульманских государств—вынуждают Англию иметь более или менее прочный тыл Индии. Кроме того, на Севере появляется непонятный, гибкий и потому крайне опасный противник—Советская Россия.

Политика Англии в Афганистане всегда находилась в связи и зависимости от ее политики в Индии.

Англия получила жестокий урок в то время, когда она создала свои колонии типа Северной Америки, куда сбывала беспокойные элементы своего населения и куда беспрепятственно разрешала эмиграцию. Результатом этого явилось отложение Соединенных Штатов Америки от Англии и это произошло потому, что население колоний отказалось работать на свою метрополию и быть поставщиком средств расточительной и реакционной британской монархии. Ост-Индская кампания приготовила Индию не для цели эмиграции. Эта новая колония должна была служить той сокровищницей, которая поддерживала и до сих пор поддерживает британскую империю. Поэтому эмиграция в Индию не допускалась. Напрасно Британия пыталась указывать здесь на соображения человечности и на опасение чрезмерного угнетения туземцев белыми эмигрантами... В деле угнетения здесь достаточно старались британские солдаты и чиновники, которым разрешался в'езд в Индию.

Английская политика в Индии вырабатывалась десятилетиями. Еще со времен Ост-Индской кампании выработался тип колониального администратора, соединившего в себе все отрицательные черты британской бюрократии, с чисто плантаторским презрением к туземцам-цветным, подвижностью, безответственностью и жестокостью европейских пионеров во вновь открытых землях. Индия представлялась чудовищной плантацией, в которой много миллионов рабов работало под суровым присмотром специально обученных надсмотрщиков. Особо отличаемые среди этих рабов иногда возводились в надсмотрщики низких степеней и несколько особо заслуженных попадали в ранг высших надсмотрщиков. Прочность, спаянность и стойкость надсмотрщиков обеспечивала обладание плантацией и поэтому, кроме непосредственной административной работы, индийская администрация сама заботилась над сохранением, если можно так вы-

разиться, чистоты своей породы. Не только туземцам трудно было занять высшие места на административной лестнице, но даже англичане по рождению, недостаточно проникнутые британской империалистической идеей, не шли далеко по службе. Известен факт, что англичане, родившиеся в Индии, если желали добиться высших должностей, должны были получить образование в Англии. Параллельно с этим шло в высших и низших школах для индусов внедрение в сознание учащихся идеи мощи Британии, ее материальной и моральной силы. Полуцивилизованным раджам показывали британские войска и флот, и это должно было у них отбить охоту пререкаться своему политическому резиденту; индийские студенты убеждались в том, что высшая, не достигнутая ни одним государством в мире культура существует только у англичан. Англо-индийская пресса почти все свои столбцы отдавала описанию британского могущества, британской аристократии, британской армии; этим же занимались авторы большинства выпускаемых в Индии книг. Бардом англо-индийского чиновничества в мировой литературе сделался Киплинг. И весь этот дурман, подносившийся в течение десятилетий нарождающейся индийской интеллигенции, несомненно, сделал свое дело. Редкие из индусской интеллигенции сумели избавиться от гипнотического влияния англо-британской культуры. После подавления восстания в 1857 г. англичане с каждым годом укрепляли свою административную систему и националистическое движение, начавшееся развиваться в конце прошлого столетия, не пугало их вплоть до начала мировой войны.

В эпоху войны были даны все те обещания, которые в рискованные минуты даются всеми, находящимися в затруднительном положении, империалистическими правительствами. За время войны окрепла нарождающаяся индустрия Индии и одновременно националистическое движение настойчиво стало предъявлять требования Британии. Война кончилась и обещания, несмотря на комплименты, сделанные проливавшей свою кровь за Англию индийской армии, оставались обещаниями. Массы, которые были значительно активнее вождей, обнищавшие арендаторы-земледельцы и голодающее городское население, доведенное до крайности, ответило восстаниями, из которых самое крупное было

Пенджабское. Одной только жестокостью нельзя было прекратить растущего движения и в этот момент был призван один из наиболее способных администраторов школы Ллойд-Джорджа, лорд Ридинг и началась эпоха будто бы либеральных реформ. Реформированные законодательные советы должны были подготовить Индию к гомрулю-самоуправлению под эгидой Британии, которое рисовалось в отдаленных десятилетиях—и будущем.

Рассматривая британскую политику в Индии, надо отметить, что она по отношению к индийскому освободительному движению отмечается примирительной политикой к более или менее умеренным элементам и самыми крутыми репрессиями по отношению к активным. Одновременно с политическими мерами и прямым участием в политической борьбе, англо-власть организовывает индийский капитал, индийское чиновничество и склоняется к перемещению британского капитала в Индию, вместо того чтобы как раньше ограничиваться выкачиванием сырья. Британцы в Индии являются, в сущности, организационным стержнем для всех контр-революционных элементов и их стремление сводится к тому, чтобы удары оппозиции попадали не в них, а в связанных с ними общностью интересов индусов. Даже небольшая численность англичан дает преимущества по отношению к разрозненным религией и происхождением, кастой и социальными перегородками индийцам. Политическая борьба в Индии ведется связанными общей программой движениями халифата и конгресса. В этих движениях объединяются и левые, намечающие социальные проблемы, и правые, мечтающие о самоуправлении-сварадже внутри британской империи, и центр, стремящийся к независимости, возглавляемый Ганди, братьями Али и Дассом.

Самая крупная фигура освободительного движения Индии-Махатма Ганди (святой Ганди), представляет собой интерес, как яркая, несомненно одаренная личность. Писатель, идеолог, оратор—он представляет собой отражение части созерцательной, одухотворенной, живущей внематериальной жизнью индусской нации. Английская пресса пытается укорять его близостью к миросозерцанию Льва Толстого, обвиняя его чуть ли не в плагиате, но идеология Ганди не вполне совпадает с толстовским непротивлением злу. В пе-

риод наиболее активного давления Британии на Индию, он, из глубокого сочувствия к народу, из глубоко оскорбленного национального самолюбия, способен почти на боевые призывы, но активность народа, следующего за этими призывами, пугает его и он возвращается к лозунгу отрицания насилия. С одной стороны, он иногда доходит до явного призыва к неповиновению властям и обращения к индийским солдатам с настоянием оставить армию, с другой — какая-нибудь вспышка волнений, сопровождающаяся жертвами, внезапно вырвавшаяся у толпы религиозная нетерпимость по отношению к христианам или парсам, вызывает его искреннейшее раскаяние и в призывах на митингах и в печати. Эта двойственность расшатывает революционную энергию его партии и приводит к тому, что вся сила бойкотистского движения направляется на бойкот британских товаров, на введение «чарки» индийского тканого ремесла. И эта кампания за «чарки» в устах Ганди приобретает характер протеста против индустрии и технического прогресса, вообще, и проповеди пасторальной идиллии древней Индии, с веретенами и пряжей в каждой хижине, идиллии, почти во вкусе Руссо.

В своей позиции вождя он стремится к установлению социального мира между индийскими промышленниками и рабочими. Вообще, в качестве политического вождя Ганди руководится не столько политическими соображениями, сколько непосредственностью чувств моралиста-проповедника. Иногда только у Ганди проскальзывает мысль, обличающая политическую оценку момента, так в те дни, когда он заявляет, что активные действия его партии, вследствие неорганизованности и слабости индийцев, обречены на неудачу. Поскольку в лице Ганди мы видим индуса-брамина, постольку в лице его сподвижников братьев Али мы видим мусульман и, поэтому, действия их более активны и часто расходятся с действиями Ганди, все время старающегося их смягчить. «Несправедливость, причиненная халифату», т.-е. Версальский раздел Турции и политические репрессии англо-индийской власти, толкают братьев Али то на призыв к открытому неповиновению властям, то на поощрение народных волнений. Восстание «мопла», мусульманского племени в Малабаре, и усилившаяся деятельность халифат-комитетов дали англо-властям возможность пре-

дать суду и осудить на тюремное заключение братьев Али и за этот факт подвинул только конгресс и халифат-комитеты на энергичную кампанию за сохранение спокойствия.

Слово за рабочим движением, которое назревает среди нарастающих по численности рабочих Индии и за обезземеленными арендаторами, которые не раз уже тревожили англичан восстаниями. Так, или иначе, британская власть в Индии далеко не вечна. 320 миллионов не могут долго оставаться в том искусственном сне, который навевают на них несколько десятков тысяч английских чиновников. Индия пролетаризируется вместе с развитием производства Индии. А вместе с увеличением многочисленности рабочих приходит борьба против угнетателей и борьба классов.

Национальное движение Конгресса, возглавляемое Махатма Ганди и так называемое движение Халифата (борьба индусов мусульман за восстановление Турции после Версальского мира) тревожило британскую власть в Индии только тогда, когда от безобидных протестов массы переходили к активным выступлениям.

Стихийно вспыхивающие крупные аграрные волнения, рабочее движение, нарождающееся в фабрично-заводских районах и портовых городах Индии, доставили англо-индийским властям столько же тревог, сколько независимые афганские племена на северо-западной границе Индии.

История независимых племен северо-западной границы Индии связана с историей Афганистана.

Это ряд непрекращающихся партизанских войн за их независимость.

Даже в те короткие эпохи, когда Афганистан пользовался относительным миром, или в то время, когда англичане занимали Кабул, Газни, Кандагар и подавляли сопротивление не примирившихся с оккупацией афганцев, независимые племена обрывали их связь с Индией, дезорганизовали их тыл, а в коротких промежутках мира, сопротивлялись карательным экспедициям англичан.

Эти экспедиции стоили англичанам много денег и жизней, и в этих войнах выковалось неукротимое свободолюбие и разжигался неукротимый фанатизм племен. Несмотря на превосходство в численности и вооружении, англичане не могли совладать с племенами. Там, где юноши не расстаются

с ножом и винтовкой, там, где выше всего ценится современное оружие, не могли помочь натасканные в партизанской горной войне туземные англо-индийские войска, патаны и гурки, которых с детства в особых военных кантонических школах приучают к роли карательных войск.

В связи с опытом мировой войны против племен, главным образом, в Вазиристане против вано-вазиров, вазиров-точи и макеудов было пущено в ход новое средство борьбы—аэропланы и старое - блокада.

Блокада лишает независимые племена предметов первой необходимости, которые они приобретают на рынках северной Индии. Одновременно идут беспощадные карательные экспедиции, и требования англичан сводятся, как и ранее, к выдаче винтовок и разрешению проводить дороги. Из этих сравнительно мягких требований видно, что в них заключается ликвидация вопроса о племенах. Англо-индийская пресса с особенным удовольствием печатает каждый раз о сдаче на милость победителей какого-нибудь отряда горцев или о выдаче опасных для англичан винтовок. С беззастенчивым цинизмом англо-индийские газеты сообщают о том, что покорившееся племя, обложенное данью в 200 винтовок, не имеет такого числа и вынуждено, чтобы обеспечить себе мир, купить недостающие. Но эти внешние успехи, это «водворение мира на границе» сеет вечную ненависть среди племен к притеснителям.

В августе 1921 года ратифицируется дружественный договор Афганистана с РСФСР. Это заставляет миссию Доба торопиться с заключением англо-афганского договора. Англия идет на значительные уступки. От вассального государства типа Бухары при царском правительстве Афганистан приходит к полной независимости.

Уже не вице-король Индии, или, вернее, его статс-секретарь руководит сношениями с Афганистаном, а непосредственно Лондон и министерство. Афганистан получает право транзита через Индию, консульства в крупнейших городах Индии. Англией сделаны даже небольшие территориальные уступки, обещана техническая помощь и дано (правда, довольно двусмысленное) обещание транзита необходимого оружия через индийские порты. Товары, направляющиеся в Афганистан, не облагаются пошлиной. И, уже помимо договора, довольно многочисленным афганским студентам

в Индии оказывается содействие местными властями. Таковы вкратце уступки, сделанные Англией, но следует указать, что острая необходимость в договоре не лишила англичан возможности извлечь некоторые выгодные стороны из договора.

В Джелалабаде, Газни и Кандагаре основываются британские консульства,—даже в период выгодного для Англии договора с Абдурахманом, англичане не имели таких выгодных наблюдательных станций внутри Афганистана,—и, наконец, в полосе независимых племен англичане легально проводят систему усмирения, обескровив племена блокадой, аэропланной войной и «хассадарской» системой, т.-е. круговой порукой племен.

На три года (срок договора) независимые племена остаются без моральной и всякой другой поддержки Афганистана, и теперь понятно обращение эмира к независимым племенам, в котором он пытается их успокоить сравнительно кратким сроком договора. Одновременно с ратификацией договора министр иностранных дел в довольно резком письме на имя главы миссии Добса запрашивает объяснений по поводу репрессий индийского правительства по отношению к националистическому движению в Индии. Таким образом, эмир как бы не выпускает из своих рук главенства в халифатском движении и всячески подчеркивает свои симпатии Ангоре и прибывающей в Кабул ангорской миссии (в 1922 году) и ранее миссии покойного младо-турецкого деятеля Джемаль-паши. Однако, это не мешало англо-индийскому правительству вслед за заключением договора начать разгром национального движения в Индии.

Сразу за подписанием договора идут массовые аресты, репрессии, закрытие газет, процессы, смертные приговоры и осуждение вожаков движения в Индии. Восставшие усмирялись пулеметами и виселицами, при чем их судьбу делили замешанные в восстании члены халиф-комитетов, а менее опасные сажаются на годы в тюрьму. Ранее практиковавшийся способ обескровливания движения путем ареста вожаков (Ганди, братья Али, Дасс) вводится в широком масштабе, и удрученные либеральным режимом Ридинга чиновники старого закала удовлетворены. Теперь им уже не нужно из-за идейных разногласий выходить в отставку, как ранее предлагал Ридинг.

Каковы же перспективы отношений РСФСР и Афганистана?

Умнейшие из государственных деятелей Афганистана понимают все значение Советской России в этот трудный для их отечества момент. Кроме того, они понимают, что вооруженное наступление пока заменяется экономическим. Договор в сущности развязывал Британии руки в полосе независимых племен, несмотря на туманные обещания о гуманном воздействии и успокоении племен, которые давались Добсом в Кабуле. Параллельно с этим шел решительный нажим на национальное и халифатское движение внутри Индии.

Политика РСФСР в отношении к государствам Востока, естественно, включает в свой круг и Афганистан. Эпоха просвещенного абсолютизма в Афганистане обязывает Советскую республику помогать Афганистану стать на путь настоящего прогресса, а не на путь колонизаторской цивилизации. Торговые сношения с Афганистаном для сопредельных Советских республик Туркестана и Бухары имеют не менее важное значение. Договор с Британией, несмотря на всю его кажущуюся для Афганистана выгоду, однако, ведет к экономическому порабощению страны. До революции торговля Афганистана с Россией представляла значительный интерес, в особенности в северных—Гератской и Мазар-и-Шерифской провинциях. Одновременно с экономическим возрождением России экономическое преобладание Англии в Афганистане будет уменьшаться, и даже теперь уже начинают устанавливаться начатки товарообмена с Россией. В смысле получения из Афганистана сырья, главным образом, шерсти, и снабжения его предметами первой необходимости делаются соответствующие попытки.

Свобода внешних сношений раскрыла Кабул для ряда европейских посольств. Кроме миссии РСФСР, здесь уже находятся посольства Ангорского правительства, Бухарской республики, Италии и Англии. Попытки к установлению дипломатических сношений сделаны Францией и Японией. В среде афганцев наблюдается большое тяготение к сближению с Германией. Таким образом, разрушилась искусственно созданная империалистическими правительствами преграда для стремящегося к экономическому и политическому развитию народа. Первая предпосылка к такому

развитию—политическая независимость—уже завоевана ценой многолетних усилий, и в последней фазе этой борьбы почетная роль принадлежит РСФСР. И, надо сказать, что наиболее дальновидные из афганцев каждый раз стараются подчеркнуть свои симпатии первому из государств, признавшему независимость Афганистана—РСФСР.

Естественно, что самое присутствие в Кабуле представителя единственной в мире республики, провозгласившей идеи раскрепощения народов Востока, нетерпимо для Англии. Нетерпимо потому, что это присутствие оказывает моральное воздействие на порабощенное население Индии и на героические племена северно-западной границы, сражающиеся за свою независимость. Внутреннее брожение в Индии и периодически возникающие осложнения на индийской границе, разумеется, использованы английским министерством иностранных дел в качестве одного из поводов дипломатического нападения на Советскую Россию, в ноте от 8 мая 1923 года.

То, что посеяла и продолжает сеять британская колониальная политика, приписывается агитации и действиям советского представителя. Но во всяком случае эти ложные обвинения еще раз обнаруживают ахиллесову пяту «великой державы».

Недаром лорд Керзон утверждает, что каждая семья в Англии отдаст своего последнего сына в том случае, если британской власти в Индии будет угрожать какая бы то ни было опасность.

Каждая ли семья?

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Глава I. От крепости Кушка до Герата 5

Глава II. Герат 9

Глава III. От Герата до Кабула 22

Глава IV. Население. Нравы. Быт. 34

Глава V. Афганистан и сопредельные страны 46

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ * МОСКВА.

БИБЛИОТЕКА ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

Под редакцией Ф. РОТШТЕЙНА.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Анжеран. Железо и франко-германские отношения.
Лемонон. Англо-французские отношения.
Шульце. Борьба за персидскую и месопотам. нефть.

ГОТОВЫ К ПЕЧАТИ:

Оствальд и Губин. Япония (сборник).
Пинон, Шиллер, Хассерг. Проливы (сборник).
Куске, Бенуа и др. Левый берег Рейна (сборник).
Ф. Ротштейн. Англичане в Египте.
Перингоф и др. Французский финансовый капитал (сборник).
Пинон, Волос и др. Италия в Европейской системе.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Пулей. Японский империализм.
Демонжон. Соед. Штаты и Япония.
Хасхаген. Очерки мировой политики, ч. I и II.
Юнг. Державы и арабы.
„ Месопотамия—страна будущего.
„ Малая Азия.
Руир. Англия и Средний Восток.
Стэн Коноз. Значение Индии для Англии.
Камбель. Китай.
Мерман-Кобленц. Багдадская жел. дорога
Кьелен. Современные державы.
Дармштетер. Раздел Африки.
Дрио. История Оттоманской империи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА.

Серия—капиталистический мир после войны.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Арский. Крестьянский вопрос в Польше.

Арслан. Современная Турция. Перев. с турецкого.

Варга Закат капитализма.

Гальперин. Современная Бельгия.

Зиновьев. Рурские события и задачи Коминтерна.

Иорданов. Балканы после войны.

Катаяма Сан. Капиталистические наступления в Японии.

Керженцев. Ирландия. II издание.

Кон. Замыслы буржуазно-шляхетской Польши.

„ Кризис буржуазной Польши.

Маркович. Коммунизм в Юго-Славии.

Майский. Советская Россия и Капиталистический мир. (Гаагская конференция).

Мещеряков. Конгресс мира в Гааге и опасность войны.

Осинский. Мировое хозяйство в оценке наших экономистов.

Павлович. Советская Россия и империалистическая Япония.

Павловский. Банкротство Германии.

Смолянский. Под мечом капитала. (Экономическая борьба мирового пролетариата).

Соловейчик. Басмачество в Бухаре.

Стоклицкий. Рур.

Фостер. Волна рабочей революции в Германии, Англии, Италии и Франции 1918—21 г. г.

Шлихтер. Наша соседка Финляндия.

Шубин. Париж—Варшава—Вильна.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Бранд и Валевский. Коммунизм в Польше.

Гумбель. Четыре года политических убийств.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ * МОСКВА.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Бронский. $2^1/_2$ Интернационал.

Вернер. Баварская Советская Республика (акты и документы).

Горкин. Современная Италия.

Граше. Современная Чехо-Словакия.

Дюбоско. Эволюция Китая.

Кан Г. Крушение капитализма.

Конолли. Труд в Ирландии.

Крек. Рабочее движение в Англии.

Майский. Современная Германия.

Мархлевский. Современная Польша.

Нюренберг. Мировая война, ее причины и следствия.

Ротштейн. Современная Англия.

Рудаш. Венгерское восстание.

Шлихтер. Современная Австрия.

Серия—литературно-художественная.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Алексеев. Явь.

Андреев. Красный смех. С иллюстрац. Ю. Анненкова.

Басов-Верхоянцев. Конек-скакунок.

Белинский. Письмо к Гоголю.

Гамсун. Соки земли. Перев. В. Муйжель. Иллюстр. А. Головина.

Гюго В. 93-й год. Сокращеный перевод. Слонимского. С иллюстрац. Митрохина.

Гюго В. Отверженные.

Золя. Западня. Сокращенный перевод Ел. Летковой. С иллюстрац. Чехонина.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА.

Золя. Углекопы. Сокращеный перевод Лунца. С иллюстрац. Замирайло.

Иванов Вс. Бронепоезд № 1469.

„ Партизаны.

Кармен. К солнцу.

Коган. Белинский.

Кряжин. Красный петух. Мелодрама в 3-х действиях, из эпохи Великой Французской Революции.

Лондон Дж. Железная пята. Сокращенный перевод Губера. С иллюстрац. худ. Анненкова.

Люксембург. В Короленко.

Малышев С. Нижний-Лион. (Путевые заметки).

Маяковский. Стихи о революции.

Мериме. Крестьянское восстание.

Неверов. Смех и горе. Комедия.

Келлерсан. 9-ое ноября. Сокращеный перевод Выгодского с иллюстрац. Левитского.

Келлерсан. Туннель. Сокращ. перевод Выгодского с иллюстрац. Замирайло.

Лебедев. Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался. Сказка с иллюстрациями худ. Мора и Ив. Малютина.

Никулин. 14 мес. в Афганистане.

Малышев С. К новой жизни.

Новиков-Прибой. Вековая тяжба. Рассказы.

Народный театр. Комедии.

Лет. Сборник стихотворений.

Орешин П. Человек на льдине. Рассказы.

„ Микула. Поэма.

„ На голодной земле. Поэма.

„ Мужики.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА.

Прокофьев. Казнь Сальва. По роману „Париж“ Золя Э.

Прутков К. Сказка про то, как царь Археян ходил богу жаловаться. С иллюстрац. М. Добужинского.

Пшебышевский. Чтец-декламатор. На польском языке.

Серафимович. Рассказы. Бабья деревня.

Синклер. Джимми Хиггинс. Роман.

„ Чаща.

„ 100%. Сокращен. перевод Губера. С иллюстрац. Митрохина.

Сосновский. Рассея.

Фаррер Клод. Остров большого колодца. Перевод с франц.

Франс. Боги жаждут. Сокращенный перевод Губера с иллюстрац. Чехонина.

Франс. Бунт ангелов. Перевод Губера с иллюстрац. Чехонина.

Фурманов. Красный десант.

Чунин. Углекоп Корт.

Шенгели. Броненосец Потемкин.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Александровский. Поэма о Пахоме.

Безыменский. Как пахнет жизнь.

Беранже. Избранные песни.

Бедный. Д. Полное собрание сочинений.

Дорохов. Житье-бытье.

Деревенские были. Сборник рассказов и стихотворений.

Мирбо. Дурные пастыри.

Неверов А. Богомолы. Рассказы.

Прокофьев. Праздник крови.

Революционный чтец-декламатор.

Синклер. Ад.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА.

Серафимович. Рассказы.
Сосновский. Поэт и масса.
Уэлльс. Невидимка.
„ Первые люди на луне.
Яровой. Повести и рассказы.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Лондон. Морские рассказы.
Синклер. Выгоды от религии.
„ Гусиная паходка.
Уэлльс. Война в воздухе. Сокращен. перевод.
Фаррер. Представители цивилизации.

Популярно-научная серия.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Гремяцкий. Как возникла и развилась жизнь на земле
Завадовский. Проблема старости и омоложения.
Гремяцкий. Борьба за жизнь в природе.
„ Размножение и развитие животных.

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ГПП, Москва, Милютинский пер., 22.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Воровский, В. К истории марксизма в России.

Лукин, Н. Новейшая история Западной Европы.

Меницкий, И. Русское рабочее движение в РСДРП накануне войны.

Наумов, Г. Введение в политическую экономию (очерк развития народного хозяйства).

Платонов, А. Страничка из истории эсеровской контр-революции.

Покровский, М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III.

Фридлянд, Ц. Хрестоматия по истории революционного движения на Западе.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Викторов, Б. Буржуазия в 1905 г.

,, Лена.

,, Феодализм в древней Руси.

,, Идеолог самодержавия Иван Пересветов.

Мебель, Я. Крестьянская реформа.

,, Рабочий вопрос и рабочее движение во II половине XIX века.

Мстиславский, С. Народовольцы.

Пионтковский, С. Февральские дни 1917 г.

,, 9-ое января.

,, Октябрьская революция.

Раковский, Х. Арест и освобождение за раб. Интернационал 1916—17 г.

,, Пять лет борьбы с румын. помещик. 1907—12 г.

Яковлев, Я. Учебник по истории Октябрьской революции.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК".

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ" при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ", Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.